

Лу Цяньтан не знал, о чем думал, но когда пришло время нести службу, он взял саблю и отправился на пост. Видя, как Чжао Цзин бегает туда-сюда, он велел привести в порядок комнату и поселил его там. Чжао Цзин был простодушным человеком, легко находил общий язык со служанками и слугами, и «Цяньлицзуй» стал оживленным.

Наступил канун Нового года. Едва князь Лян, приведя с собой десятки тысяч солдат армии Лянгуня, вошел в Ингао, как следом Шань Чилю повел войска и разместился в Западном столичном лагере. Заместитель главнокомандующего Жао Сысина также вернулся в столицу, чтобы выразить почтение от имени командующего. В украшенном фонарями и гирляндами столичном городе кишели солдаты всех мастей, повсюду ощущалась напряженность, будто вот-вот вспыхнет конфликт. Огромный дворцовый город словно висел на волоске над кипящим котлом.

Лу Цяньтан нес службу во дворце, чаще всего находясь рядом с императором Чжэньюанем. Хотя он и слышал, что князь Лян крайне непокорен, но когда князь Лян, не снимая доспехов и не убирая оружия, с грохотом и шумом ворвался в зал Шиань, это все равно испугало его.

Сяо Хуаймин, весь в пыли и с запахом битвы, с грохотом опустил длинный меч на пол, преклонил колени и сказал:

— Ваш сын приветствует отца-императора. Я не подвел ваших ожиданий, усмирил границу, но не знаю, чем вызвал ваше недовольство, что вы так и не приняли меня, оставив на северо-западной границе, словно в изгнании.

Лу Цяньтан едва сдержал вздох, инстинктивно взглянув на императора Чжэньюаня. В этот момент он не мог понять, кто здесь был государем, а кто — подданным.

Император Чжэньюань оставался невозмутимым:

— Ты совершил подвиг в усмирении беспорядков, я обязательно награжу тебя. Но я еще не видел, чтобы подданный, не сложив оружия и не сняв доспехов, врывается в зал Шиань, чтобы требовать объяснений. Что, князь Лян, ты хочешь устроить переворот?

Сяо Хуаймин еще не успел ответить, как Шань Чилю громким голосом вошел в зал:

— Ваше Величество, подданный Шань Чилю приветствует вас.

Выражение лица императора Чжэньюаня сразу смягчилось:

— Шань Цин, встань. В Лянъяне холодно, я приказал сделать для тебя лисью шубу, как раз собирался отправить ее тебе.

Спина Сяо Хуаймина напряглась. Он поднялся, отказавшись от поклона Шань Чилю, и с недовольством отошел в сторону.

Шань Чилю с улыбкой сказал:

— Благодарю Ваше Величество за заботу. Я увидел, что за пределами зала Шиань стоят несколько сотен чужих солдат, и подумал, что Ваше Величество перенесло тренировочный плац во дворцовый город. Оказалось, это просто свита князя Лян.

Сяо Хуаймин только открыл рот, как Шань Чилю продолжил:

— Ваше Величество действительно великодушно и добросердечно, но нельзя позволять доброте нарушать правила. С древних времен не было такого, чтобы подданный, не сложив оружия и доспехов, требовал объяснений у государя. Князь Лян, будучи высокородным принцем и главнокомандующим армией Лянгуня, должен быть примером. Иначе те, кто не знает, могут подумать, что наше государство Великая Ци управляется без устоев и постоянства.

Лицо Сяо Хуаймина стало пестрым, но тон его голоса смягчился:

— Ваш сын был неосторожен, просто слишком соскучился по дому, не хотел нарушать правила.

Император Чжэньюань даже не изменил выражения лица, просто сказал:

— Князь Лян, лучше приведи в порядок своих солдат, а потом приходи на аудиенцию.

Сяо Хуаймин взглянул на Шань Чилю, больше не говоря ни слова, и попрощался.

Шань Чилю остался в зале, чтобы выразить почтение, поговорил некоторое время. Император Чжэньюань хотел оставить его на ужин в теплом павильоне, но Шань Чилю сказал, что у него еще есть неоконченные дела, и император махнул рукой, велел Лу Цяньтану проводить его.

За последние два дня выпал снег, очистив дорогу. Издалека весь дворцовый город казался белым, скрывая красные стены, желтые крыши и стеклянные подвески. Чистое белое пространство.

Когда они вышли из зала, внутренние слуги остановились. Лу Цяньтан прошел с ним некоторое расстояние, и когда они приблизились к первым дворцовым воротам, Шань Чилю вдруг заговорил, не оборачиваясь:

— Как ты думаешь, сколько шагов ты прошел от знаменосца до тысяцкого?

Лу Цяньтан был ошеломлен, сердце его замерло. Он шевельнул губами, но не мог найти ответа.

Шань Чилю усмехнулся, повернулся, и его взгляд стал острым как нож:

— Кажется, что ты взлетел на небо одним прыжком, но на самом деле ты остановился на месте. У стен дворца можно вырастить только домашних животных, но не диких зверей.

Лу Цяньтан почувствовал, как сердце его дрогнуло, и выдохнул:

— Дядя...

Шань Чилю поднял руку:

— Не бойся, я не ругаю тебя. Просто орел, который никогда не падал со скалы, не научится летать. На этом все, возвращайся.

Лу Цяньтана внезапно настиг порыв северного ветра, от которого у него защекотало в носу. Он почтительно поклонился Шань Чилю и долго не выпрямлялся.

Через два дня во дворце устроили банкет, чтобы встретить и омыть пыль с пути несколькими полководцам. Внутри дворцового города не умолкала музыка, а за его пределами стояли солдаты в полном вооружении. Незнающий человек мог подумать, что это прощальный обед, после которого начнется спектакль с армией у городских стен.

Князь Лян, проведший эти годы на границе Лянгуня, был полон обиды. Он считал, что его военные заслуги превосходят заслуги наследного принца, который долгое время находился в глубинах дворца. Но он не мог понять, почему император не ценит его. Вместо того чтобы возвысить его, он привел несколько армий в Ингао, защищаясь не от внешних врагов, а от собственного сына.

Но Шань Чилю командовал войсками Лянъяня, а Жао Сысин специально отправил свою личную гвардию обратно. Любой дурак мог понять, что это означало. Сколько бы гнева ни было у Сяо Хуаймина, он мог только сдерживать его. Как бы он ни был уверен в своей армии Лянгуня, он не мог позволить себе обидеть этих двоих.

Банкет прошел спокойно до конца, и гости постепенно покидали свои места. Государь сказал, что устал, и давно ушел отдыхать.

Сяо Цинму только что переступил порог главного зала, как услышал сзади суматоху. Внутренний слуга кричал:

— Пожар!

Яньчжу остановил маленького евнуха, который торопился назад, и спросил:

— Где пожар?

Евнух был в поту, поклонился Сяо Цинму и сказал:

— Ваше Высочество, загорелся один из боковых залов. Он недалеко отсюда, огонь уже сильно разгорелся, пламя поднимается вверх! Ваше Высочество, не задерживайтесь, скоро дойдет сюда!

Сказав это, евнух поспешно поклонился и побежал помогать тушить пожар.

Сяо Цинму слегка дрогнул уголком глаза, но не смог полностью успокоиться:

— Супруга Шунь далеко, с ней все должно быть в порядке.

Яньчжу сказал:

— Ваше Высочество, не волнуйтесь. Судя по огню, он недалеко, дворец Циншунь в стороне, там точно ничего не случится. Просто здесь немного опасно, нам лучше поскорее уйти.

Огонь распространялся чрезвычайно быстро, полыхая ярким пламенем. Весь дворцовый город пришел в смятение. Евнуги кричали «Тушите пожар!», плач и крики служанок смешивались с треском огня, создавая особенно жуткую атмосферу.

Столичная гвардия поспешила войти в главный зал, чтобы эвакуировать высокопоставленных гостей с банкета. Пока они говорили, огонь уже подбирался ближе.

Гвардейцы, находившиеся на посту, спешили защитить высокопоставленных гостей и одновременно тушить пожар. Лу Цяньтан стоял за пределами бушующего пламени, дрожа всем телом.

Он держал в руках ведро, полное воды, но руки его дрожали, и вода выливалась. Он словно врос в землю, не в силах сделать шаг вперед.

Сяо Цинму только что вывел Яньчжу из хаотичного главного зала, обернулся и увидел человека, который явно выделялся на фоне суматохи. Он велел Яньчжу подождать на месте и вернулся, чтобы хлопнуть его по плечу.

Сяо Цинму думал, что ударил несильно, но парень уронил ведро, и вода с шумом пролилась на землю.

Сяо Цинму, видя, как тот дрожит, посмотрел на бушующее до неба пламя, закрыл ему глаза, притянул к себе и сказал:

— Ребенок, не играй с огнем ночью, а то обмочишься.

Лу Цяньтан просто закрыл глаза, оставаясь неподвижным в его объятиях. Огонь, казалось, пережег какую-то балку, и с оглушительным грохотом что-то рухнуло.

Лу Цяньтан резко вздрогнул, крепко вцепившись в рукав Его Высочества князя Цзинь. Весь лоб его был покрыт холодным потом.

Сяо Цинму мысленно цокнул языком. Бедняга.

Сяо Цинму полубонял, полуповел его, видя, что тот не может прийти в себя, и намеренно спросил:

— Сколько тебе лет?

Лу Цяньтан замер, словно не расслышал, его ресницы коснулись ладони Сяо Цинму, который цокнул языком:

— Не шевелись. Сколько тебе лет?

Лу Цяньтан ответил:

— Сем... семнадцать.

Сяо Цинму спросил снова:

— Когда у тебя день рождения?

Лу Цяньтан немного растерялся:

— Двадцать седьмого декабря.

Сяо Цинму произнес:

— О. Значит, день рождения еще не наступил. Тогда тебе сколько лет?

Лу Цяньтан подумал и сказал:

— Шестнадцать.

Сяо Цинму усмехнулся:

— Неплохо, мозги не испугались.

Лу Цяньтан был не в настроении спорить с ним, скорее, он зависел от него, и никогда не был

таким послушным.

Сяо Цинму больше не дразнил его, прошептал ему на ухо:

— Четвертый принц лично провожает тебя домой, рад?

Лу Цяньтан вернулся в реальность, услышав вопрос, но только сжал губы, решив притвориться перепуганным.

Через некоторое время в карете Лу Цяньтан все еще дрожал в его объятиях, и фантазии Его Высочества князя Цзинь рассеивались и снова собирались, уходили и возвращались.

Сяо Цинму некоторое время смотрел на его губы, наконец не выдержал и нажал на них пальцем, сказав низким голосом:

— Если ты будешь так дрожать, я воспользуюсь твоим положением.

Энурез — медицинский термин, означающий ночное недержание мочи, энурез. В данном контексте используется в переносном смысле как шутовское предостережение.

<http://bllate.org/book/16145/1445872>